

С.В. Петраков

ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ И ПОНЯТИЙ В ХОДЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются причины и тенденции включения оценочных категорий и понятий в тексты нормативных правовых актов. На основе изучения различных законодательных актов приводятся примеры того, как менялись тенденции использования данных категорий и понятий в ходе принятия нормативных правовых актов, а также позиции ученых-правоведов по данному вопросу. Делается вывод о необходимости использования оценочных категорий и понятий в рамках современной юридической техники.

Ключевые слова: оценочные категории и понятия; относительно-определенные нормы; юридическая техника; правоприменительное усмотрение.

We analyze causes and trends of including evaluation categories and concepts in statutory acts. Based on the research of various acts of law we offer examples of changes concerning the use of categories and concepts in question and the position of law specialists. A conclusion is made about the need to use evaluation categories and concepts in the framework of current legal technique.

Keywords: evaluation categories and concepts; relatively defined norms; legal technique; law enforcement discretion.

Под оценочными категориями и понятиями необходимо понимать слово или словосочетание, закрепленное в норме права, путем относительно-определенного описания схожих обстоятельств (типичных признаков) всех возможных ситуаций, возникающих в правовой сфере, в связи с объективной невозможностью абсолютно определено изложить данное описание, конкретизация которого осуществляется в рамках индивидуальной ситуации лицом, реализующим норму права в ходе свободной оценки ситуации на основе правосознания. В качестве примера оценочных категорий можно привести «необходимость», «возможность» и «невозможность». В качестве примера оценочных понятий можно привести следующие: «уважительная причина», «исключительный случай», «незамедлительно», «особая сложность» и т.п.

Причины и тенденции использования оценочных категорий и понятий в нормотворческой деятельности обусловлены тем, что их наличие позволяет уменьшить количество норм, излагаемых абсолютно-определенным способом. Поскольку при

последнем способе изложения норм права моделируемые действия, их условия и последствия излагаются не обобщенно, а путем обозначения их индивидуальных признаков, перечисления тех или иных случаев, тексты нормативных правовых актов могут безосновательно увеличиваться в объеме. В реальной жизни сложно и затруднительно создать абсолютно-определенные нормы, которые бы описывали все возможные практические ситуации во всем многообразии правовых отношений. Общественные отношения настолько разнообразны, что точное количество фактических обстоятельств, имеющих юридически значимые последствия для правоотношений, установить весьма не просто. Исходя из этого, в ходе нормотворческой деятельности в нормы права включаются соответствующие категории и понятия, благодаря которым адресаты норм должны определить, подлежит ли применению конкретная норма в фактических обстоятельствах, сложившихся по делу. Д.Н. Левина так же придерживается мнения, что «в связи с тем, что законодатель не определяет и не интерпретирует оценочные

понятия, такая возможность предоставляется субъектам, применяющим правовые нормы с оценочными понятиями» [5. С. 4].

Конституционный Суд Российской Федерации в ходе проверки конституционности отдельных положений ГПК РФ объясняет наличие в законе оценочных категорий и понятий тем, что разнообразие обстоятельств, подтверждающих наличие соответствующих оснований, делает невозможным установление их перечня в законе и само по себе не может расцениваться как недопустимое: «предоставление суду <...> определенной свободы усмотрения, при условии единообразного толкования <...> нормы в процессе правоприменения, не противоречит принципу доступности правосудия и отвечает роли, месту и полномочиям суда как независимого органа правосудия» [1].

Несмотря на объективные причины существования в законе оценочных формулировок, отдельные авторы обосновывали их деструктивное значение для отечественного правоприменения. Так, М.И. Бару высказывал мнение, что «с точки зрения эффективности правового регулирования и идеи законности, чем меньше оценочных понятий, тем лучше, так как индивидуальная субъективная оценка может и не совпадать, а иногда – выйти за пределы той оценки, которую имел в виду законодатель, устанавливая норму, содержащую оценочное понятие» [3. С. 105]. Как развитие данной позиции, можно оценить категоричное заключение Е.А. Фролова о том, что «решению задачи дальнейшего укрепления законности <...> должно соответствовать также и сужение сферы применения оценочных понятий, их постепенная замена в законе понятиями формально-определенными, обладающими твердыми и устойчивыми признаками. Курс на постепенное сокращение использования оценочных понятий представляется закономерным потому, что он, сужая пределы судебного усмотрения, означает вместе с тем и сведение к минимуму числа судебных ошибок, усиление строгих и стабильных гарантий законности» [9. С. 42–44].

Возражая М.И. Бару, следует отметить, что при толковании оценочных категорий и понятий сложно сделать вывод относительно того, вышел ли правоприменитель за пределы той оценки, которую имел в виду законодатель. Во-первых, при толковании соответствующих категорий и понятий правоприменитель руководствуется исключительно собственной оценкой, а не оценкой законодателя. Во-вторых, затруднительно ответить на вопрос о том, какую оценку имел в виду сам законодатель, если счел необходимым использовать такой инструментарий юридической техники, как оценочные категории и понятия.

Поскольку невозможно предусмотреть наперед все возможные ситуации, которые могут возникнуть в практической деятельности, постольку ошибочным будет утверждение, что законодатель их знал и таким образом заранее определил границы оценки таких категорий и понятий. Если допустить обратное, тогда можно сделать предположение, что М.И. Бару относит законодателя к сторонникам механистического детерминизма, который, «признавая лишь однозначную, жесткую детерминацию явлений, придавая универсальный характер законам механики, отвергал существование случайностей» [8. С. 157]. «Однако если бы все возможности были даны раз и навсегда и никаких новых возможностей в развитии не могло бы возникнуть, тогда миру грозило бы неизбежное истощение возможностей» [7. С. 215]. Для законотворческого процесса это означало бы полное предвидение всех возможных ситуаций и создание на основе этого знания целого комплекса норм, исключаящего из правотворческого процесса оценочные категории и понятия, а из практики применения усмотрение и личностную оценку. Но такое будущее для права опровергается самой практикой, как критерием истинности тех или иных знаний.

Более категоричным в своих взглядах был Е.А. Фролов. Вместе с тем, его позиция, связанная с сокращением числа оценочных понятий в законодательстве, была опровергнута все той же практикой. По

подсчетам, проведенным в 1976 г., в УК РСФСР насчитывалось более 60 оценочных понятий, в ГК РСФСР более 40, в КЗоТ РСФСР более 20. По подсчетам, произведенным в 1985 г., в УК РСФСР их содержится более 200, в ГК РСФСР более 70, в КЗоТ РСФСР более 110 [2. С. 16–18].

Основываясь на данных фактах, С.С. Безруков пришел к выводу, что законодатель не только не спешит сокращать количество данных понятий в тексте нормативно-правовых актов, но и увеличивает их [4. С. 117]. В результате проведенного исследования С.С. Безруков делает заключение, что «в древних источниках права, дошедших до нашего времени, оценочные выражения встречаются крайне редко. Это объясняется казуистическим характером правовых норм <...> С развитием приемов изложения правовых предписаний, появлением процессуальных норм право приобретает все более абстрактный характер, в том числе и из-за увеличения числа оценочных терминов. В большинстве случаев использование оценочных терминов освобождает законодателя от необходимости конструирования большого числа казуистических норм и позволяет правоприменителю самостоятельно достраивать норму права к сложившейся ситуации» [4. С. 124–125].

Полностью соглашаясь с позицией С.С. Безрукова, полагаем необходимым подтвердить тезис о том, что законодатель увеличивает, а не уменьшает количество норм с оценочными категориями и понятиями. Так, в результате проведенного исследования было установлено, что в нормах УПК РФ содержится более 280 норм с оценочными категориями и понятиями, в УК РФ и ГПК РФ – более 200, в АПК РФ – более 190. По мнению Т.Н. Москальковой и В.В. Черникова «для российского законодательства постсоветского периода характерно предоставление широкой свободы правоприменителю. Это объяснимо. Нужно было "запустить" новый правовой механизм, хотя бы и с ущербом для четкости и детализации нормативно-правовых предписаний» [6. С. 153].

Вместе с тем, стоит согласиться с мнением Е.А. Фролова, что сужение пре-

делов судейского усмотрения, означает вместе с тем и сведение к минимуму числа судебных ошибок [9]. Это так, но в замене оценочных категорий и понятий абсолютно-определенными нормами, кроется другая опасность правоприменения, на наш взгляд, более серьезная, чем правоприменительное усмотрение, – пробел в праве.

Ранее мы пояснили, что предвидеть заранее все возможные ситуации в юридической практике никто не может. Если излагать нормы закона исключительно в абсолютно-определенных понятиях, то правоприменитель рано или поздно столкнется с ситуацией, которая законом не предусмотрена. Со временем таких ситуаций будет только больше. В связи с этим правоприменитель не сможет разрешить такую, неурегулированную нормой права, ситуацию. Данное явление в праве называется пробел. Проблема их преодоления и восполнения в праве, на наш взгляд, еще более острая, чем усмотрение в праве, поскольку последнее связано с применением нормы, пусть и относительно-определенной. При пробеле в праве норма вообще отсутствует и сложность возникает как с законностью использования способов его преодоления, так и с поиском нормы, регуливающей схожие обстоятельства.

Можно разумно возразить, что выявляемые пробелы можно восполнить законодательным путем. Это так, но процесс восполнения пробелов объективно отстает от частоты их обнаружения. Это связано с тем, что правоприменительная практика гораздо динамичнее процедуры принятия закона. В связи с этим, количество восполняемых пробелов не будет покрывать количества вскрываемых. Для процессуальных отраслей права это реальная проблема, преодолеваемая на практике порой незаконными способами: расширительным толкованием, усмотрением, не допускаемым самой нормой, и т.п. В рамках всей территории Российской Федерации это формирует противоречивую и многообразную практику, что представляет реальную опасность для соблюдения принципа законности.

Включение в текст закона относительно-определенных предписаний в виде оценочных категорий и понятий позволяет частично избежать такой проблемы, как пробел, поскольку правоприменитель может сам принять решение о возможности регулирования возникшей ситуации нормой права, так как оценочные категории и понятия имеют сферу своего действия. Всё вышеизложенное позволяет прийти к выводу: чем больше будет прослеживаться тенденция на изложенные норм абсолютно-определенным способом, тем меньше усмотрения и больше пробелов в праве, и чем больше будет прослеживаться тенденция на изложение норм с использованием оценочных категорий и понятий, тем меньше пробелов и больше усмотрения. Это, если можно так выразиться, правовая аксиома, которая представляет специфический маятник, крайние положения которого, это крайность той или иной позиции (инструментария юридической техники) в праве. Приверженность к крайним взглядам всегда пагубна для практики, поэтому необходим умеренный подход, учитывающий сбалансированность обоих приемов.

Вместе с тем, как это было показано на примерах отдельных кодифицированных актов, а также иных исследованных нормативных правовых актов, можно прийти к заключению, что в настоящее время в нормотворческой деятельности все чаще отдается предпочтение использованию оценочных категорий и понятий в ходе нормотворческой деятельности. В связи с этим должны возрасти требования к современным правоприменителям. Они должны обладать соответствующим уровнем правовой культуры, теоретическими знаниями и жизненным опытом, чтобы квалифицированно определить, подлежит ли применению норма с оценочными категориями и понятиями к конкретной ситуации, и суметь аргументировать это в принимаемом решении. Этот сегмент права, как представляется, является одним из актуальных, поскольку прослеживается тенденция по увеличению

случаев использования оценочных категорий и понятий в ходе нормотворческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

2. *Агамиров Н.И.* Оценочные понятия в законодательстве (теоретические вопросы) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 43. М., 1989. С. 16–18.

3. *Бару М.И.* Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 105.

4. *Безруков С.С.* Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России. Омск: Изд-во Академии МВД России, 2003. 174 с.

5. *Левина Д.Н.* Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 36 с.

6. *Москалькова Т.Н., Черников В.В.* Нормотворчество: научно-практич. пособие. М.: Проспект, 2010. 384 с.

7. *Спиркин А.Г.* Основы философии. М.: Политиздат, 1988. 592 с.

8. Философский энциклопедический словарь / редколл.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1980. 815 с.

9. *Фролов Е.А.* Стабильность закона в соотношении формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии: сб. научных трудов. Свердловск, 1973. Вып. 28. С. 42–44.